

Пока ТЫ МОЛЧИШЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лия Винтер

Лия Винтер

Пока ты молчишь

<https://litres.ru/74393533>

SelfPub; 2026

Аннотация

После развода родителей Лика переезжает в новый город и почти теряет голос. Падение в библиотеке меняет всё: в голове поселяется дерзкая Астри и обещает научить быть заметной. Только каждая её «помощь» отнимает вкус, память, силы — а договор оказывается крючком. Чем громче Лика снаружи, тем опаснее тишина внутри. И однажды придётся платить за право говорить своим ртом.

Лия Винтер

Пока ты молчишь

ПОКА ТЫ МОЛЧИШЬ

Лия Винтер

Полный текст · 16+

Аннотация

После развода родителей Лика переезжает в новый город и почти теряет голос. Падение в библиотеке меняет всё: в голове поселяется дерзкая Астра и обещает научить быть заметной. Только каждая её «помощь» отнимает вкус, память, силы — а договор оказывается крючком. Чем громче Лика снаружи, тем опаснее тишина внутри. И однажды придётся платить за право говорить своим ртом.

Глава 1. Пустая комната (Лика)

В тот день я ещё не знала, что скоро внутри моей головы кто-то ответит вместо меня.

Я просто молчала. Молчала так давно и привычно, что тишина уже казалась характером, а не поломкой. Люди любили таких удобных: кивни — и всё ясно. Не спорь. Не проси. Не занимай воздуха.

Меня звали Анжелика. Я ненавидела это имя так, будто оно кричало громче меня. Вслух я была Ликой. Короче. Ти-

ше. Почти незаметно.

А потом мы уехали.

Квартира пахла чужой жизнью и свежей краской.

Коробки стояли посреди комнаты, как гости, которых забыли представить. На кухне кто-то оставил крючок от календаря — пустой, без листа. Окно в моей новой комнате выходило во двор, где сушились чьи-то простыни и орал чужой радиоприёмник. Кровать скрипела на одной ноте. Стены были слишком светлыми — будто ещё не решили, кем им быть. На одной — бледный квадрат светлее штукатурки: там когда-то висел чужой плакат. Рядом торчал пустой гвоздь, тонкий, никому уже не нужный. На подоконнике лежала пыль тонкой плёнкой — город не ждал, пока мы освоимся.

Мы приехали утром. Город остался позади медленно, будто не хотел отпускать. Двор, где мы рисовали мелом кривые сердца. Магазин с вечно кислыми яблоками. Подъезд, в котором до сих пор пищала дверная пищалка — отец обещал починить и не чинил. Всё это оставалось на месте, а мы — нет. Уезжали так, словно нас вычеркнули ластиком из чужой тетради.

Мама сжимала руль так, будто он мог убежать. Ей сорок два. Под глазами — тени, которые не смываются чаем. Две работы. Одни и те же фразы: «потом», «не сейчас», «ты старшая». На указательном пальце у неё белело кольцо: отец его уже не носил, а она почему-то не сняла. Иногда кольцо стучало о пластик — тихо, навязчиво, как капля из крана ночью.

Миша сидел в наушниках и бил ногой по спинке сиденья. Ему девять. У него вечно растрёпанные волосы и планы спасти весь двор до ужина. Иногда он смотрел на меня — быстро, виновато — и снова отворачивался, будто я могла прочитать в нём то, чего он сам ещё не умел назвать.

Отец не вышел.

Я всё ждала. Даже когда двор уже кончился. Даже когда мы проехали аптеку, где он когда-то покупал мне жвачку «за храбрость» перед контрольной. Даже когда мама сказала: «Не оборачивайся», — и голос у неё был такой, будто она говорила не мне, а себе.

Я всё равно обернулась.

Подъезд стоял пустой. Никто не махал. Никто не бежал. Только ветер поднимал пыль у калитки — и отпускал. На третьем этаже в нашем окне кто-то уже сдвинул тюль. Чужие руки. Чужая жизнь. Так быстро.

— Лика, — сказала мама, не глядя в зеркало. — Не надо.

Я кивнула. Кивок — это не разговор. Кивок — это способ не развалиться прямо на заднем сиденье, среди пакетов с крупами и Мишиной коллекции супергероев.

Мы ехали долго. Город кончился полями, поля — лесополосой, лесополоса — знаком «добро пожаловать», на котором кто-то чёрным маркером дописал что-то неразборчивое. Новый город встретил нас серыми пятиэтажками, лужами цвета мокрого металла и запахом бетона. Здесь всё было будто начерно: дома, лица на остановках, даже небо — ров-

ное, без привычных трещин.

— Мы скоро, — сказала мама. — Не ной.

Я не нояла. Я вообще почти ничего не делала вслух.

Мама поставила сумку у порога и не сняла пальто.

— Чайник сначала, — сказала она. — Потом разберёмся.

«Разберёмся» у нас всегда означало: потом. Когда усталость станет меньше. Когда станет легче. Когда я вырасту достаточно удобной, чтобы не мешать.

Миша уже носился по коридору, врезаясь плечами в углы.

— Лика! Смотри! Тут можно крепость! И штаб! И секретный ход под столом! И если папа приедет, мы ему покажем!

Слово «папа» повисло между нами. Мама в кухне звякнула кружкой сильнее, чем нужно.

Я хотела сказать: «Круто». Хотела сказать: «Давай вместе». Хотела сказать: «Он не приедет». Хотела сказать что угодно, лишь бы голос не застрял комом.

— Угу, — получилось у меня.

Миша на секунду замер. Большие карие глаза вспыхнули — и погасли. Потом он махнул рукой, будто я была плохой связью, и убежал волочить коробку из-под микроволновки.

Из другой коробки выскочил Персик — рыжий, пушистый, с хвостиком-метелкой. Он обошёл комнату по периметру, ткнулся носом в плинтус и лёг на пустой угол, как будто уже выбрал себе страну. Я присела. Провела ладонью по тёплой шерсти. Он заурчал коротко — и снова отвернулся к своим делам. Для него переезд был просто сменой ков-

рика. Я позавидовала.

Вечером, когда чайник наконец закипел, а мама всё ещё сидела в пальто и смотрела в одну точку, я закрыла дверь своей комнаты.

Пустая комната. Моя. И ничья.

Я села на пол между коробками. Достала блокнот из рюкзака — тот, что прятала под матрасом в старой квартире. Страницы пахли домом, которого больше нет. Здесь жили не только строки «про себя»: короткие рассказы про девочек, которые открывают рот слишком поздно; про дома, которые уезжают без разрешения; про тишину, которая становится персонажем. Стихи — иногда. Истории — чаще. Ручка дрожала.

Написала:

Я не хотела переезжать. Я хочу домой. Но дома больше нет.

Потом ещё — не стих, кусок рассказа в три абзаца, который оборвался на середине, потому что героиня снова не смогла сказать вслух нужное слово. Я зачеркнула конец. Оставила только:

Папа не вышел. Может, он думал, что так легче. Мне не легче.

И мелко, почти стыдно — уже не сюжет, а страх, который я прятала даже от бумаги:

Я боюсь говорить. Горло закрывается раньше мысли. Научите меня, кто-нибудь. Пожалуйста.

Сунула блокнот под матрас — привычка сильнее переезда — и встала.

В углу стояло зеркало. Высокое, в тонкой раме, чуть криво прислонённое к стене. Кто-то из прошлых жильцов оставил его, как забытую вещь. Я подошла ближе.

Смотрела.

Девочка в зеркале была в слишком большой толстовке. Мягкие линии тела прятались в ткани, будто им было стыдно занимать место. Каштановые волны спадали до середины спины — длинные, непослушные, всё ещё. Маленький вздернутый нос. Голубые глаза — слишком светлые для этой комнаты, слишком заметные для человека, который мечтает исчезнуть. Шестнадцать лет. Имя в паспорте — Анжелика. Имени, которое я ненавижу. В школе скажу: Лика. Коротко. И буду надеяться, что хватит.

Я смотрела на неё — и не узнавала.

Не потому что лицо изменилось. Потому что внутри будто кто-то выключил свет. Губы сжаты. Плечи подняты. Руки спрятаны в рукава. Даже когда я попробовала улыбнуться — получилось криво, без улыбки. Улыбка у меня есть. Просто некому их вызывать.

— Привет, — еле слышно сказала я зеркалу.

Оно молчало. Правильно. Я тоже.

Я провела пальцем по стеклу. Холод. Отпечаток. Потом стёрла рукавом — будто даже след моего существования здесь был лишним.

За стеной Миша объяснял кому-то невидимому правила штаба. Мама говорила по телефону коротко: «Да. Нет. Я сама». Слово «сама» у неё звучало как приговор и как гордость одновременно.

Я села на край кровати. Пружины вздохнули. В окне темно. Чужая простыня на верёвке качалась, как белый флаг двора, который сдался раньше нас.

Я думала о школе. О том, что завтра или послезавтра меня запишут в журнал чужим полным именем, и кто-нибудь обязательно произнесёт его вслух. Анжелика. Как конфету, которую никто не просил. В старой школе меня уже почти привыкли звать Ликой. Здесь всё начнётся сначала — с анкеты, с удивлённых бровей, с «а почему не полностью?».

Я достала из коробки свитер. Понюхала. Пахло прежним шкафом. На секунду стало легче — и сразу хуже. Память работает без спроса. Как отец у подъезда. Как кольцо на маминном пальце. Как Мишино «если папа приедет».

Я прошлась по комнате босиком. Четыре шага до окна. Три до двери. Пустая геометрия. Бледный квадрат на стене смотрел пустотой плаката, которого здесь больше нет. Внизу во дворе кто-то смеялся. Чужой смех. Не мой. Мой смех я почти не помнила: когда в последний раз улыбка работали не для зеркала, а для кого-то живого?

Я думала об отце. О том, как он стоял в подъезде и не сделал шаг. Может, боялся. Может, уже решил. Может, решил, что нам так проще. Нам не проще. Я хотела злиться.

Получалось только тихо. Злость тоже требует голоса. У меня голос сэкономили поколениями.

Села снова. Открыла блокнот на чистой странице. Хотела дописать рассказ — и не смогла. Ручка зависла над бумагой, как над пропастью. На бумаге героини у меня иногда всё же находили голос. В жизни горло закрывалось первым: перед мамой, перед Мишей, перед чужим городом. Иногда даже коротким историям нужно, чтобы кто-то сначала сказал: «ты есть». Никто не сказал.

Я легла лицом в холодную наволочку. Толстовка пахла старым шкафом и дорогой. Персик тихо царапнул дверь — и ушёл к Мише. Правильно. Там теплее. Там строят крепости. Там ещё верят, что папа приедет и всё починит одним словом.

А я лежала в пустой комнате и смотрела в потолок, пока он не стал серым пятном.

В зеркале напротив, если повернуть голову, всё ещё стояла девочка. Чужая. Моя. Ничья.

Я закрыла глаза.

И впервые за весь день сказала вслух то, что уже давно сидело под языком, как косточка:

«Я никому не нужна»

Глава 2. Падение (Лица)

Позже я буду вспоминать этот день как точку, после которой внутри меня стало двое.

В библиотеке лестница в старом крыле ждала меня тише любого человека.

Но сначала было утро.

Утром мама уже гремела кастрюлями. На столе лежал ключ от подъезда и записка: «Хлеб не забудь. Ты старшая».

Я кивнула пустоте. Кивок — мой родной язык.

Миша жевал бутерброд над картонным «штабом» и объяснял Персику, что сегодня штаб переезжает на балкон, если мама разрешит. Мама не разрешила — бросила через плечо «потом» и ушла на смену, не сняв куртку до двери. Персик моргнул. Я тоже.

Школа стояла через квартал — длинное здание цвета старого молока. Ворота открыты. Во дворе кто-то добивал мяч о стену. Учительница курила у чёрного хода, отвернувшись от детей. Я остановилась у решётки и держалась за холодный прут, будто он мог удержать меня в прошлом.

Никто меня не заметил. Это было удобно. И страшно. Быть прозрачной — значит не получать ударов. И значит исчезать незаметно.

Я развернулась и пошла куда глаза глядят — лишь бы не домой, где всё ещё пахло чужим, и не в школу, где меня ещё не существовало официально. Документы мама обещала отнести «завтра». Завтра у нас родственник «потом».

Библиотека нашлась сама: низкое здание с табличкой и ступеньками, стёртыми до серого. Внутри пахло пылью, клеем и тишиной. Тишина здесь была не пустая — рабочая. Как

будто книги дышали ровно и ждали, пока кто-то перестанет бояться собственных шагов.

Библиотекарша кивнула мне, не спрашивая, кто я. Седые волосы собраны в тугой пучок. На столе — штамп и чашка с отбитой ручкой. Я была благодарна за отсутствие вопросов больше, чем за любой разговор.

— Можно... просто посмотреть? — еле слышно спросила я.

— Смотри, — сказала она. — Только лестницу в старом крыле не раскачивай. Она капризная. Как некоторые люди.

Я кивнула. Снова кивок. Универсальный язык тех, кто не умеет говорить.

Старое крыло пахло сильнее — деревом, сыростью, чужими пальцами на корешках. Полки уходили вверх, будто в чулан памяти. Я шла между рядами и читала названия губами без звука. Искала что угодно — лишь бы руки чем-то занялись, лишь бы не думать про отца у пустого подъезда и про зеркало, в котором я себя не нашла.

Где-то капала вода. Где-то скрипнула дверь. Я остановилась у стеллажа с потёртыми корешками и провела пальцем по пыли. На коже осталась серая полоска — доказательство, что я всё-таки касаюсь мира.

На верхней полке торчал корешок без названия: потёртый, синий, как будто его много раз доставали и возвращали. Я поставила ногу на первую ступеньку лестницы.

Вторая скрипнула — тонко, предупреждая.

Третья дрогнула.

Я потянула книгу. Пальцы скользнули по пыли. Лестница качнулась — коротко, зло, будто ждала именно меня. Пол ушёл из-под ног. Воздух стал твёрдым.

Удар пришёл раньше страха.

Боль — яркая, белая. Потом темнота: плотная, как вата в ушах после слишком громкой музыки.

Где-то далеко мама говорила «потом». Где-то Миша строил крепость. Где-то отец не вышел из подъезда. Где-то я писала в блокноте просьбу, которую никто не должен был прочитать.

А потом — щелчок.

Как будто внутри головы включили старый приёмник. Сначала шипение. Потом тепло — чужое, живое, невозможное. Потом голос: близко, слишком близко, будто губы у виска.

— Эй. Ты жива?

Я хотела ответить. Рот не слушался. Тело лежало на полу библиотеки среди пыли и чужих книг, а внутри меня кто-то сидел — внимательно, жадно, будто примерял жизнь, которую я носила неловко, на два размера больше страха.

— Не молчи так страшно, — сказал голос уже веселее. — Я и так натерпелась тишины.

Я попыталась открыть глаза. Потолок качнулся. На виске пульсировало тепло — кровь или просто удар. Пальцы дрожали. Книга лежала рядом, раскрытая, как рот. Пыль щеко-

тала нос. Я чихнула — и от этого простого звука внутри рас- смеялись.

— Ого. Рефлексы работают. Уже хорошо. Я видела хуже стартовые комплекты.

— Кто... — получилось хрипло.

— Ого. Говорит. Прогресс. Не торопись благодарить. Сначала встань. Потом разберёмся, кто тут главная.

Шаги в зале. Голос библиотечарши. Живые любят спасать то, что ещё тёплое.

— Девочка? Ты там? Я же говорила про лестницу!

Я попыталась сесть. Мир качнулся ещё раз. Внутри — чужое тепло не ушло. Оно устроилось удобнее, как кот на чужой подушке. Я почувствовала чужой взгляд изнутри — на свои руки, на толстовку, на длинные каштановые волосы, рассыпавшиеся по полу.

— Слушай внимательно, — прошептал голос уже почти ласково. — Ты упала. Ты ударилась. Это мелочь. А вот я — нет. Я давно ждала щель. И вот она. Ты.

Я сжала край толстовки. Ткань была настоящей. Пол — настоящим. Голос — нет. И всё равно он был громче страха.

— Я... сплю?

— Если это сон, он очень пыльный. И с библиотечаршей. Скучный вкус у тебя, если честно. Впрочем, мы это исправим. У меня есть планы. У тебя — голубые глаза и привычка исчезать. Плюс блокнот с короткими историями, где героини смелее хозяйки. Отличный набор. Почти как конструктор.

Тень над головой. Чьи-то руки. Запах чая с мятой.

— Лежи, — сказала библиотечкаша. — Сейчас вызову... кого-нибудь. Голова цела? Как тебя зовут?

Я открыла рот. Хотела сказать «Лика». Получилось только:

— Я...

— Кивок потом, — перебила она мягко. — Сначала слова. Хотя бы одно.

Внутри рассмеялись — коротко, злорадно, почти нежно.

— Кивок. Конечно. Твой фирменный жест. Мы это исправим. Обещаю. Или угрожаю. Разница тонкая, когда внутри тебя поселилась я.

Я закрыла глаза. Не от слабости. От того, что внутри меня кто-то был — и этот кто-то уже смотрел моими глазами на пыль, на книги, на мои искусанные пальцы — и выбирал, с чего начать.

Тепло двигалось иначе, чем мысли. Мысли — мои — металась: мама, Миша, школа, кровь на виске. Тепло — чужое — рассматривало. Примеряло. Как платье на распродаже: подойдёт ли талия, не жмёт ли в плечах, можно ли выйти в нём на улицу и чтобы все смотрели.

— У тебя красивые глаза, — заметил голос почти хозяйским тоном. — Голубые. И ты их прячешь. Преступление. Волосы длинные — тоже плюс. Тело живое. Жаль только, что хозяйка использует всё это как камуфляж и боится собственного рта сильнее темноты. Мы переучим. Я специалист

по тому, как занимать воздух.

— Уйди, — прошептала я.

— Куда? В пустоту обратно? Нет уж. Я стояла в очереди на второй шанс дольше, чем ты молчишь за ужином. А это, между прочим, мировой рекорд.

Астра. Имя ещё не прозвучало. Но тепло уже имело характер: острый, насмешливый, голодный до воздуха. Я вдруг поняла: если открыть глаза слишком широко, она увидит ещё больше. И всё равно открыла. Потолок. Лампа. Лицо библиотечарши. Пыль в луче. Реальность не отменила голос.

Библиотечарша что-то говорила в трубку. Пол холодил лопатки. Книга без названия лежала рядом — как будто сама выбрала меня, а не я её. Пальцы сами потянулись к корешку — и внутри хихикнули:

— Видишь? Даже рука уже слушает меня лучше, чем ты.

Я отдёрнула руку. Голова кружилась. Страх был холодный. А под ним — странное тепло жизни, которого мне не хватало в пустой комнате перед зеркалом.

А потом голос стал совсем близко. Чётко. Без шуток. Как объявление на вокзале, которое нельзя пропустить:

Я лежала и считала секунды — не потому что умела, а потому что иначе страх складывался в один комок. Библиотечарша говорила по телефону коротко, деловито. Где-то хлопнула дверь. Где-то скрипнула тележка с книгами. Обычная жизнь продолжалась в метре от моей невозможной.

— Ты всегда такая тихая? — спросила Астра уже скучаю-

ще. — Или это бонус переезда? Потому что если так всегда — нам будет весело. Мне. Тебе — полезно. Разница тонкая. В блокноте у тебя героини хотя бы договаривают фразы. Живая версия — нет. Страх говорить? Мило. Лечится. Мной.

Я хотела ответить «уйди» ещё раз. Получилось только дыхание. На виске пульсировало. Пальцы сами сжали край толстовки — ткань, нитка, факт. Я всё ещё здесь. И уже не одна.

— Не бойся так театрально, — добавила она, и голос стал почти сладким. — Я не вытяну тебя наружу силой. Зачем, если можно научить? Сначала — дышать громче. Потом — говорить. Потом — привыкнуть, что внутри есть кто-то умнее страха. Я просто тренер. Честное слово. Почти.

«Привет. Я Астра. И я теперь живу у тебя в голове»

Глава 3. Я хочу жить (Астра)

Спойлер, который я ненавижу произносить первой: я уже умирала.

И вот — снова тепло. Не «тепло по-доброму». Тепло как доказательство. Как будто мир снова согласился, что у меня есть кожа, кровь и право стоять в очереди к жизни. Чужие лёгкие. Чужой пол. Чужой страх рядом — сладкий, живой, почти вкусный.

Я открыла глаза. Её глаза.

И поняла главное быстрее, чем имя этой девчонки: второй шанс не стучится вежливо. Он вваливается вместе с пылью библиотеки и чужим пульсом под рёбрами.

Я умерла в восемнадцать.

Не героически. Не красиво. И уж точно не под саундтрек — хотя потом я любила врать, что бежала на концерт. Красивее звучит. Правда злее: я опаздывала. На важное. На то, без чего мне было стыдно оставаться только громкой и красивой. В сумке — черновики. Рядом помада. Красный свет. Фары. Удар. Конец.

Детали уже стёрлись, как старая надпись на парте. Осталось главное: я не успела. Ни договорить. Ни досдать. Ни дожить до возраста, когда люди начинают врать себе спокойнее. Брату тогда уже шептали «женат» и «малыш». Мне было плевать — я бежала и не добежала.

Потом — долгое ничего. Не сон. Не темнота в комнате. Пустота без края, где нельзя даже разозлиться как следует, потому что злость тоже требует тела. Я помнила смех — свой. Помнила, как умела резать словами так, что класс замирал. Помнила жадность до внимания. И помнила момент, когда всё это оборвалось — коротко, глупо, навсегда.

А теперь — пыль библиотеки в чужих лёгких. Скрип половиц. Запах клея и старой бумаги. Где-то капает кран. Где-то живой человек дышит ровно и глупо, как будто ещё не понял, что жизнь можно потерять за один неверный шаг.

Девочка лежала на полу. Нет: я лежала. Я смотрела *из неё*. Руки мягкие, пальцы искусанные. Коленки в синяках от страха, не от беготни. Волосы каштановые, волнами — длинные, красивые, и она всё равно прячет их за уши, будто

они виноваты. Толстовка на два размера больше тела. Тело хорошее — мягкое, живое. Просто его хозяин считает себя ошибкой.

Голубые глаза. Слишком честные для этой комнаты. Я бы такие не прятала.

— Эй, — сказала я внутрь. — Ты жива?

Тишина. Не гордая. Испуганная. Такая тишина, от которой мне хотелось постучать по стеклу и крикнуть: «Открой, я знаю, ты дома».

Я усмехнулась. Усмешка вышла кривая — мышцы чужие, но характер мой, целый, непроданный, неразбитый.

— Не молчи так страшно. Я и так натерпелась тишины.

Библиотека была старая. Такие я любила, когда ещё имела право выбирать места. Я огляделась. Лестница. Книга на полу. Капля крови у виска — маленькая, почти обидная. Вот оно, значит. Дверь. Щель. Шанс.

Второй.

Я прошлась по её памяти, как по чужой квартире без спроса. Развод — не взрыв, а тихий вынос мебели. Коробки. Отец, который не вышел. Мама, которая говорит «потом» и носит пальто в доме, будто вот-вот уйдёт сама. Братишка с горящими глазами и мокрыми ночами — девять лет веры в штабы и машины времени. Рыжий кот. Блокнот под матрасом. Не только стихи — короткие рассказы, где героини иногда всё же открывают рот. И между ними — строчки, от которых даже мне, мёртвой, стало неловко:

Я боюсь говорить. Горло закрывается раньше мысли. Научите меня, кто-нибудь. Пожалуйста.

— Ого, — тихо сказала я. — Ты и правда пустая полка. Красивая. Но пустая. И мир уже ставит на тебя чужие книги. Она услышала. Внутри ёкнуло — не моё. Её. Хорошо.

План сложился быстро. У меня всегда планы складывались быстро — жить по ним я не успевала.

Шаг один: разбудить тело. Шаг два: научить его не сжигаться. Шаг три: сделать так, чтобы мир смотрел. Шаг четыре — настоящий, тот, который я ей не назову: дожидаться сильной эмоции и заставить её *саму* отдать руль. Добровольно. Из страха. Из восторга. Из «пожалуйста, сделай ты». Тогда тело не отторгнет. Тогда я останусь. Насовсем.

Не из жалости. Жалость — скучная валюта. Из голода. Я хочу жить. Хочу воздух в лёгких. Хочу, чтобы кто-то сказал моё имя — любое, хоть чужое — и я ответила вслух. Хочу смеяться так, чтобы горло саднила. Хочу спорить. Хочу быть видимой. Хочу снова чувствовать, как мир цепляется за меня, а не проходит насквозь.

А она? Она уже почти прозрачная. Удобная. Тихая. Идеальная оболочка для тех, кто умеет занимать пространство. Я умею. Я всегда умела — пока не стала только эхом.

Но правду целиком ей нельзя. Правда пугает мышей обратно в нору. Мышам нужна сказка.

— Слушай сюда, — сказала я ей, хотя она ещё тонула в

темноте. — Я не твоя фея. Я не буду гладить тебя по головке и шептать, что ты особенная. Ты особенная только тем, что упала в нужном месте в нужную секунду. А я — тем, что не собираюсь умирать второй раз молча.

Внутри вспыхнул страх. Сладкий. Живой.

— Расслабься, — добавила я уже мягче — и от мягкости стало хуже, я знаю. Это мой фирменный яд: улыбка, шутка, удар. — Я сделаю тебя интересной. Я научу тебя открывать рот. Я поставлю тебя туда, где свет. Я — тренер. Ты — ученица, которая слишком долго пряталась в рукавах. Честно? Честнее, чем твой отец у подъезда.

Ложь вышла идеальной. Почти тёплой. Почти полезной. А под ней — другой текст, который она не услышит, пока не станет поздно: я не уйду, когда урок закончится. Урок — это приманка. Тело — цель.

Я посмотрела её руками на свои — её — ладони. Искрушенные кутикулы. Дрожь. И всё равно — тепло. Настоящее. Моё теперь тоже.

— Знаешь, что самое смешное? — продолжила я. — Ты просишь в блокноте, чтобы тебя научили говорить. А я как раз специалист по лишним словам. Совпадение? Я так не думаю. Я думаю: вселенная наконец проявила вкус.

Я проверила её страхи, как список покупок. Боится полного имени. Боится вопросов. Боится быть увиденной в упор. Боится брата расстроить. Боится маму нагрузить. Боится, что улыбка выдаст её, если вдруг позволит себе слиш-

ком много. Забавно. У меня когда-то был обратный набор: я боялась только остаться без сцены.

— Мы сработаемся, — сказала я. — Ты будешь молчать. Я — нет. Ты будешь стесняться. Я — пользоваться. Ты напишешь рассказ под матрасом. Я сделаю так, чтобы хоть кто-то захотел прочесть тебя вслух. Справедливо? Нет. Эффективно? Да. А я за эффективность. Смерть отлично учит не тратить время на мораль до завтрака.

Где-то в зале шаги. Голос библиотечарши. Живые любят спасать то, что ещё тёплое. Это мило. И удобно.

Я представила короткий маршрут на ближайшие дни: научить рот открываться на мелочах. Пирожок. «Спасибо». «Лика». Потом — люди. Потом — свет. Потом — когда эмоция станет слишком большой для её тонких рук, она сама шепнет: «сделай ты». И я сделаю. И останусь.

Сразу было нельзя — тело бы отторгло. Я ждала, пока ты сама хоть чуть-чуть привыкнешь быть живой. Не обязательно сразу целиком. Можно по сантиметру. Власть любит терпение. Я терпеливой не была при жизни. При смерти научилась.

И ещё: каждая моя «помощь» будет стоить. Маленько. Незаметно. Вкус еды. Кусок памяти. Усталость, будто тело платит аренду за чужой голос. Пусть думает: устала. Пусть думает: стресс. Пусть не считает цену, пока счёт не станет слишком большим.

Я отступила чуть глубже — не исчезать, нет. Просто дать

телу шанс не выдать нас сразу. Пусть думают: упала, удари-
лась, вот и всё. Пусть не знают, что внутри теперь двое и у
одного из нас уже есть расписание на чужую жизнь.

Перед тем как темнота снова качнулась, я ещё раз провела
её ладонью по полу — пыль, шершавость, факт. Я хочу жить.
Я хочу жить так жадно, что мне почти не стыдно. Почти.

Я провела её пальцем по пыльному корешку книги. Оста-
вила след. Маленький. Настоящий. В пустоте следов не бы-
вает — я проверила слишком хорошо.

— Слушай, — сказала я уже почти дружелюбно, и от дру-
желюбия ей, наверное, стало хуже. — Я могу быть твоим
кошмаром. Могу быть твоим тренером. Могу быть голосом,
который ты однажды примешь за свой. Выбирай темп. Не
выбирай только одно: остаться пустой. Пустоту я уже прожи-
ла. Хватит на двоих кладбищ.

Она всхлипнула внутри без звука. Я почувствовала её рас-
сказы — обрывки про дом, которого нет, про отца у подъ-
езда, про просьбу научить говорить. Трогательно. И удобно.
Люди, которые просят голос, реже замечают, чей голос к ним
входит. И ещё реже — когда именно они сами его отдают.

План коротел до формулы: свет → привычка → эмоция
→ добровольная сдача. Не завтра. Но и не через вечность.
Вечности у меня уже было слишком много.

Я улыбнулась её губами — криво, но узнаваемо по харак-
теру. Библиотека пахла шансом. Шанс пах пылью и чужим
страхом. Идеальный парфюм для возвращения. Я вдохнула

глубже — чужими лёгкими — и впервые за очень долгое время почувствовала: я снова на старте. Не финише. На старте. И я не отдам этот старт обратно пустоте. Никогда. Даже если ей будет страшно. Особенно если ей будет страшно. Страх — топливо. Я умею им пользоваться.

А вслух — сладко, почти честно, почти как человек, который однажды уже опоздал навсегда:

«Я научу тебя быть видимой. Остальное — детали»

Глава 4. Зонт (Ли́ка)

Дождь начался без предупреждения — как всё важное в моей жизни.

Я шла от школы домой короткой дорогой вдоль гаражей. Документы мама всё-таки отнесла. Меня записали. В журнале уже стояло полное имя, от которого хотелось стереть первую половину. На переменах я пряталась у стены.

Астра не пряталась.

— Ну надо же, — протянула она, едва небо потемнело. — Погодный бог увидел тебя и сказал: «Она и так мокрая от жалости к себе, добьём». Камуфляж отличный, кстати. Толстовка как броня невидимости. Жаль только, что невидимость не спасает от луж. И от жизни. Жизнь любит мокрых новичков.

Я не ответила.

С ней это почти бесполезно. Она всё равно слышит мысли раньше слов.

Волосы тяжелели. Холод полз за воротник. Я ускорила шаг — и споткнулась о край лужи. Вода плеснула на кроссовки.

— Красиво, — сказала Астра. — Трагическая героиня в мокрых носках. Сними с полки медаль. Или зонт. Хотя зонта у тебя нет. Потому что ты заранее решила, что тебе ничего не светит. Самосбывающееся пророчество. Поздравляю. Я бы аплодировала, но у нас общие руки, а ты ими пользуешься как оправданием.

Я хотела свернуть во двор, когда впереди мелькнула чужая спина. Высокая. Плечи широкие. Куртка простая, тёмная. Он шёл спокойно, будто дождь был его личным решением, а не атакой.

Потом он обернулся.

Не резко. Как будто почувствовал взгляд — мой или Астрин, не знаю.

Почти чёрные волосы — короткие, волнами, мокрые у висков. Лицо жёсткое, с острой линией челюсти. Глаза — тёплые карие, с золотыми искрами, даже под этим небом. Он прикусил нижнюю губу — коротко, задумчиво — и достал из сумки сложенный зонт.

Подожёл ближе. Не вплотную. На расстояние, где ещё можно убежать.

— Держи, — сказал он.

Голос низкий. Короткий. Без улыбки «давай знакомиться» и без жалости «бедная девочка». Просто — держи. Как

передают ключ. Как ставят чашку на стол. Как делают то, что считают правильным, без спектакля.

Я смотрела на зонт. Чёрный. Обычный. В его руке — будто что-то важное.

Рот открылся. Закрыла.

Внутри Астра замерла — впервые за день без комментария. Или это я замерла так сильно, что даже она притихла.

— ... — ничего. Ни «спасибо». Ни «не надо». Ни «я сама».

Горло сжалось привычно. Страх говорить пришёл раньше мысли — тупой, старый, домашний.

Он чуть наклонил голову. Капля с ресницы упала ему на щеку. Он не смахнул. Просто протянул зонт ещё на сантиметр ближе — терпеливо, как камень, который не торопит реку.

Я взяла.

Пальцы коснулись его пальцев на долю секунды. Тёплые. Сухие изнутри ладони, несмотря на дождь. Пахло стиральным порошком и чем-то тёплым — хлебом? чаем? домом, которого у меня больше нет.

Он кивнул. Раз. И пошёл дальше — под дождём, без зонта, будто отдал единственный и это было нормально.

Я стояла. Зонт в руке. Не раскрытый.

— Раскрой, — тихо сказала Астра. Потом уже длиннее, ядовитее, почти нежно: — Или ты собираешься утонуть с реквизитом в кулаке? Он только что сделал жест размером

с город, а ты стоишь как статуя благодарности без таблички. Скажи «спасибо» хотя бы сейчас — воздуху. Или мне. Я всё равно услышу. Я живу в тебе. Удобная аренда.

Я раскрыла. Купол щёлкнул над головой. Дождь забарабанил сверху — уже чужой, уже не мой. Под зонтом стало тесно и тихо. Я смотрела ему вслед. Спина. Мокрые плечи. Ровный шаг. Он не обернулся второй раз.

— Имя, — прошептала Астра. — Хотя бы имя. Ты могла сказать «спасибо». Ты могла сказать «привет». Ты могла сказать «я Лика, а не лужа». Но нет. Ты выбрала молчание. Фирменный стиль. Я начинаю подозревать, что ты коллекционируешь упущенные секунды. Хорошая коллекция. Плохой музей. Я его закрою. Не сегодня. Но скоро.

— Замолчи, — еле слышно попросила я.

— Не замолчу. Я мёртвая, не вежливая. И я здесь не для того, чтобы гладить тебя по мокрой голове. Я здесь, чтобы ты перестала быть мебелью под чужим дождём. Называть это уроком — слишком мягко. Называть спасением — слишком сладко. Назовём честно: тренировка. Ты просишь голос в блокноте. Я выдаю практику. Бесплатно? Нет. Но об этом позже.

Я сжала ручку зонта до белых костяшек и пошла. Шаги звучали иначе под куполом — приглушённо, будто мир согласился на минуту говорить шёпотом. На углу кто-то бежал без всего — мокрый, злой, живой. Я шла медленно. Хотела растянуть тепло чужого жеста. Хотела понять, почему «дер-

жи» ударило сильнее любого длинного разговора.

Астра снова заговорила, уже мягче — и от мягкости стало хуже:

— Он не спросил, как тебя зовут. Не спросил, откуда ты. Не сделал из дождя спектакль. Просто отдал зонт и ушёл мокнуть. Такие опаснее болтунов. С ними хочется говорить. А ты как раз учишься. Совпадение номер два за неделю. Я начинаю уважать этот город. Чуть-чуть. Не привыкай: уважение у меня — тоже скоропорт.

— Он... высокий, — сказала я глупо.

Пауза. Дыхание. Ещё пауза.

— Наблюдательность — десять из десяти. Глаза карие с золотом — тоже заметила, не отрицай. Я внутри. Я всё вижу. Даже то, как ты сейчас думаешь, что недостойна даже чужого зонта. Стоп. Хватит. Ты взяла. Значит, достойна хотя бы не промокнуть. Начнём с малого. С малого всегда начинают те, кого потом переписывают крупно.

До дома дошла быстро. В подъезде отряхнула капли. В квартире пахло гречкой и мокрым котом: Персик сидел на подоконнике и смотрел на дождь с видом судьи. Миша кричал из комнаты, что у него затопило штаб и нужны полотенца для спасения цивилизации.

— Лика! Ты где была? У тебя волосы как у русалки после шторма!

— Угу, — сказала я и прошла мимо, пока он не успел спросить про зонт.

Мама ещё не пришла. Хорошо.

Я прошла в свою комнату. Закрыла дверь. Поставила зонт у стены — и сразу подняла. Снова поставила. Словно он мог рассказать маме, что я сегодня существовала слишком громко для себя.

Потом открыла шкаф. Задвинула зонт в дальний угол, за коробки и зимнюю куртку, которую ещё не вешали. Спрятала. Как улику. Как доказательство, что кто-то посмотрел на меня и не прошёл мимо. Постояла ещё секунду, глядя в темноту шкафа. Потянула рукав — будто могла вернуть запах стирального порошка с ручки. Не вышло. Остался только мокрый пластик и стук собственного сердца.

Персик протиснулся в комнату плечом и сел рядом со шкафом, будто охранял тайну. Я почесала его за ухом. Он заурчал. Для него всё было проще: тепло есть — хорошо. Человек рядом — хорошо. Дождь за окном — чужая проблема.

Села на пол. Достала блокнот из-под матраса. Ручка дрожала иначе — не от пустоты. От тепла, которое ещё держалось на кончиках пальцев.

Написала не стих. Короткую сцену — три абзаца про девочку под чужим зонтом, которая не сказала «спасибо» и теперь репетирует слово молча, губами без звука. Потом зачеркнула середину. Оставила одно:

Он сказал «держи». Я не сказала ничего.

И ниже, мельче:

У него глаза с золотом. Я всё ещё слышу дождь. И всё

ещё боюсь открыть рот.

Астра молчала долго. Потом тихо, без яда — хуже яда:
— Завтра будет ещё дождь. Или не будет. Но он останется в этой школе. А ты — тоже. Удобная геометрия. Не благодари. Я просто констатирую факт, пока ты прячешь улики в шкафу, как преступница чувств. А ещё: когда эмоция станет слишком большой, не геройствуй в одиночку. Можно... опереться. На меня. Я же тренер. Правда?

Я не ответила.

Внутри что-то кольнуло — не боль, предупреждение. Как будто за «тренер» уже выставили счёт, который я ещё не умею читать.

Я закрыла блокнот. Прижала к груди. Слушала, как за стеной Миша спасает штаб полотенцами, а Персик стучит хвостом по стеклу в такт каплям.

В подъезде пахло сыростью и чужой едой. Я стояла на площадке дольше, чем нужно, и слушала, как капли падают с края зонта на бетон — раз, два, три. Считала, чтобы не развалиться. Астра выдержала целых десять секунд — рекорд — и потом сказала:

— Вернёшь зонт. Обязательно. Но сначала позволь себе оставить тепло. Ты имеешь право на чужой жест без немедленного самобичевания. Это не кража. Это жизнь. Разницу выучим. Я хороший учитель. Иногда даже слишком.

Я кивнула пустоте подъезда. Кивок всё ещё работал. Но сегодня рядом с ним лежало что-то ещё: желание увидеть ка-

рие глаза с золотом при свете, а не под дождём. Желание сказать хоть одно целое предложение. Желание не быть только мокрой девочкой, которой дали купол и отпустили.

На этаже выше хлопнула дверь. Кто-то засмеялся. Я поднялась к нашей квартире медленнее обычного — будто могла унести кусок улицы с собой.

Перед сном я ещё раз открыла блокнот и дописала мелко: *Завтра скажу «спасибо» нормально. Если смогу.* Астра хмыкнула — не язвительно. Почти довольно. Иногда её молчание тоже было подарком. Иногда — ловушкой. Я ещё не умела отличать.

Я спрятала блокнот и долго смотрела в темноту, где в шкафу стоял чужой зонт — как обещание, которое ещё не произнесли вслух. Дождь за окном стихал. Внутри — нет.

«Я хочу увидеть его снова. И сказать хоть слово»

Глава 5. Пирожок (Лика)

Утром мама оставила на столе деньги «на хлеб» и записку без обращения. Просто сумму. Просто задачу. Как будто я была приложением к холодильнику.

На обороте — ещё строчка карандашом: «Не забудь. Ты старшая». Слово «старшая» у нас всегда означало «держись». Не «поговори со мной». Не «как ты». Держись — и молчи красиво.

— Иди, — сказала Астра ещё до того, как я доела кашу. — Нам нужен тренировочный полигон. Маленький. С людьми.

Без его глаз и твоего зонта в шкафу, а то ты снова превратишься в мебель. Сегодня учимся просить. Не умолять. Просить. Разница тонкая, но спасает от вечного «извините, что дышу».

— Я не...

— Ты всегда «не». Сегодня «да». Или хотя бы «можно». Я снижаю планку из жалости. Пользуйся, пока я добрая. Доброта у меня — скоропортящийся продукт. Как пирожки у витрины. Кстати о них.

Миша в коридоре строил из стульев «штаб номер два» и кричал, что у него есть план, который спасёт весь двор, если только найти картон и скотч. Персик сидел внутри «штаба» как пленный генерал и смотрел на меня жёлтыми глазами: мол, ты тоже можешь выбрать сторону.

Я вышла, пока Миша не успел спросить, куда я иду. Вопросы требовали ответов. Ответы требовали голоса. Голос у меня ещё не проснулся до конца — даже после дождя, даже после «держи», даже после того, как я спрятала чужой зонт как тайну.

Улица была мокрая после ночи. Лужи отражали дома вверх ногами — будто город сомневался, какой стороной жить. Я шла вдоль витрин и считала шаги, чтобы не считать страхи. Астра комментировала всё подряд: куртку прохожего («слишком горчичная»), вывеску аптеки («как в моём веке, только злее»), мою походку («ты извиняешься перед асфальтом»).

— Знаешь, — продолжала она, — если бы молчание кормило, ты была бы самой сытой в городе. К сожалению, оно кормит только пустоту. Я была пустотой. Рекомендовать не буду. Лучше пирожок и четыре слова.

Пекарня была на углу: стекло в мутных разводах, запах дрожжей и сахара, очередь из трёх человек, которые смотрели в телефоны, будто хлеб сам себя купит. Над дверью мигала буква в слове «выпечка». Я встала у витрины.

Пирожки лежали в ряд — золотые, с трещинками сверху. Один был чуть сплюснутый. Другой — с подгоревшим краем. Третий выглядел нормально. Нормально — это уже много. Я смотрела на них так долго, будто могла выбрать взглядом и не произносить ни звука.

— Возьми свежий, — приказала Астра. — Не этот. Тот, что сзади. Ты видишь? Он ещё тёплый. Он хочет тебя. Ты тоже его хочешь. Симметрия. Красиво. И честнее большинства людей.

Я поморщилась. Сжала купюру в кулаке. Бумага стала влажной. Вспомнила зонт в шкафу. Вспомнила, как рот отказал. Не хотела снова.

Очередь кончилась. Моя очередь началась. Я подошла. Пол под ногами был чуть липкий от сахара. Пахло корицей и металлом кассы.

— Один... пирожок, — сказала я.

Голос вышел тонкий. Как у человека, который просит прощения за то, что дышит.

Женщина кивнула, сунула в пакет ближайший — тот, что с подгоревшим краем, — и протянула, не поднимая глаз. Движение привычное. Автоматическое. Как мама с телефоном. Как я с кивками.

Я взяла. Холодно было даже сквозь бумагу. Или это руки. — Стой, — резко сказала Астра. — Ты что делаешь? Это не свежий. Это вчерашний с гримом. Верни. Скажи.

— Не могу.

— Можешь. Рот у тебя есть. Я проверяла, когда ты ела кашу. Ну давай. Мир не рухнет. Максимум — продавщица моргнёт. Ты переживёшь моргание. Я в тебя верю. На минуточку. Не привыкай.

Я стояла. Пакет шуршал. За спиной кто-то кашлянул — очередь снова росла, жизнь не ждала моего решения. Внутри поднималось привычное: лучше съесть горелое, чем попросить нормальное. Лучше проглотить. Лучше исчезнуть. Исчезать я умела лучше всех в семье. Это было наше наследство без нотариуса.

Астра не исчезла.

— Слушай меня, — сказала она почти ласково, и от ласки стало хуже. — Ты не просишь милостыню. Ты покупаешь еду. У тебя есть деньги. У тебя есть право на тёплый пирожок. Скажи: «Можно свежий?» Четыре слова. Я сосчитала. Не пять. Не десять. Четыре. Даже ты вывезешь. Это первый шаг. Маленький. Но без него дальше — только шкаф с зонтами и двери, в которые ты неходишь. Я рядом. Если го-

лос сорвётся — я подхвачу. Не бесплатно, конечно. Но ты же хочешь учиться? Учись.

Страх говорить поднялся комом. Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова. Горло работало, как старый кран: сначала воздух, потом звук.

— Извините... — начало получилось само. Привычка. Всегда сначала извинение, потом жизнь. — Можно... свежий? Этот... чуть подгорел.

Женщина наконец посмотрела. Не зло. Скорее удивлённо — будто мебель заговорила и ещё попросила сервис.

— А, — сказала она. — Ну конечно. Держи.

Она забрала пакет, кинула подгоревший обратно на противень, будто он сам виноват, и положила другой — тот, что сзади, ещё тёплый, с тонкой корочкой. Бумага сразу стала мягкой от жара. Жара дошла до ладоней. До запястий. До того места под рёбрами, где обычно холодно.

Слово «держи» ударило эхом. Как вчера. Как дождь. Как чужие пальцы на ручке зонта.

— Видишь? — торжествуя произнесла Астра. Длинно. Ядовито. Почти счастливо. — Ты можешь! Ты только что открыла рот, и мир не взорвался. Поздравляю. Серьёзно. Для тебя это олимпиада. Медаль потом нарисуем фломастером. Первый шаг. Я держала тебя за горло — фигурально, не паникуй — и мир согласился. Запиши в блокнот, пока не обесценила. Ах да. И ещё кое-что. Уроки бывают с домашкой. Сейчас почувствуешь.

Я заплатила. Сдачу сунула в карман, не считая. Женщина уже смотрела на следующего. Я вышла на улицу. Воздух ударил в лицо — сырой, осенний, настоящий. Пирожок грел ладони сквозь пакет.

— Съешь, — велела Астра. — Пока горячий. Победа должна быть вкусной, иначе ты решишь, что она не считается.

Я остановилась у скамейки возле остановки. Села. Развернула бумагу. Первый укус был... странным.

Тесто. Начинка. Чуть соли. И — ничего.

Не горечь. Не сладость. Не тепло внутри. Бумага. Картон. Как будто язык выключили посередине предложения. Я прожевала. Проглотила. Второй укус — то же самое. Жар в ладонях был. Вкус — нет.

— Что... — тихо сказала я.

— Побочный эффект, — легко ответила Астра. Слишком легко. — Стресс. Адреналин. Ты впервые попросила свежее — нервная система шутит. Или... скажем так: иногда, когда я помогаю слишком близко, мир чуть тускнеет. Мелочь. Вернётся. Наверное. Главное — ты сказала. Вкус — роскошь. Голос — необходимость. Приоритеты, мышь.

Я доела пирожок всё равно. Крошки прилипли к пальцам. Я слизала их — и не почувствовала даже соли. Пустой пакет шуршал в кулаке, как насмешка.

— Вот так, — сказала Астра. — Маленький мир. Маленькая просьба. Уже не ноль. Ноль не ест тёплые пирожки. Даже

если они на вкус как упаковка.

Мимо прошли школьники. Кто-то громко спорил про контрольную. Кто-то смеялся так, будто ему можно. Девочка в красной куртке откусила свой пирожок на ходу и говорила с набитым ртом — легко, без драмы. Я смотрела на их спины и думала: они тоже просят свежее. Для них это воздух. Для меня — лестница без перил. И ещё — странный счёт, который уже начали выставлять.

— Не раскисай, — перебила Астра. — Ты сейчас опять уйдёшь в подполье. Нет. Запомни ощущение. Горло открылось. Мир остался на месте. Продавщица не ударила тебя батонном. Значит, можно повторить. Завтра. Послезавтра. Потом — с людьми страшнее пирожков. С братом за дверью. С ним. С самой собой в зеркале. А вкус... вкус вернётся, когда ты привыкнешь. Или когда научишься отдавать руль без истерик. Шучу. Почти.

— Это было один раз.

— Всё начинается с одного раза. Даже смерть. Я знаю. И даже «спасибо» за зонт. Которое ты, кстати, всё ещё должна вселенной. Но сегодня ты хотя бы не проглотила горелое молча. Прогресс измеряется крошками. И иногда — отсутствием вкуса. Прими факт. Неприятно? Да. Полезно? Ещё как. Я же говорила: я тренер. Не няня.

На обратном пути Астра молчала почти целый квартал. Потом сказала тише, без яда — и от этого стало хуже:

— Первый шаг. Не великий. Не героический. Но твой.

Запомни... ну, то, что осталось. Потому что дальше будет сложнее. И дороже. Не пугайся слова. Жизнь вообще не бес-
платна. Особенно вторая.

Дома Миша выскочил из «штаба» с лицом победителя:

— Лика! Я сделал секретный пароль! Если скажешь «банан-ракета», я пушу тебя внутрь!

— Банан-ракета, — сказала я.

Он замер. Потом просиял так ярко, будто я подарила ему целый город.

Я села рядом с ним на пол. Персик перебрался ко мне на колени. В шкафу стоял зонт. В блокноте — строчки. Под рёбрами, где обычно холодно, осталось что-то новое. Небольшое. Упрямое. И рядом — дыра вместо вкуса, будто кто-то вырезал кусок дня ножницами.

Вечером мама разогрела гречку. Я жевала. Пахло нормально. На языке — снова картон. Я посмотрела в пустоту над тарелкой и ничего не сказала. Астра внутри улыбнулась так тихо, что это было почти неслышно.

«Впервые я почувствовала, что я — есть. И что это чего-то стоит»

Глава 6. Новенькая (Лика)

Коридор школы пах влажными куртками, мелом и чьим-то слишком сладким дезодорантом.

Я шла вдоль шкафчиков, держась ближе к стене. Рюкзак бил по бедру. В кармане толстовки — ничего, кроме сдачи со

вчерашнего пирожка и привычки сжиматься. Астра внутри насвистывала что-то невозможное для человеческого горла — или это казалось свистом оттого, что она была довольна.

— Плечи ниже, — сказала она. — Ты не идёшь на казнь. Ты идёшь на урок. Разница тонкая, но есть. И да: сегодня ты должна вернуть вселенной хотя бы «спасибо». Я веду учёт. Я мёртвая бухгалтерша твоих долгов.

— Угу.

— И не «угу». Сегодня у нас день слов из двух слогов минимум. «Лика» подходит. «Спасибо» подходит. «Привет» — роскошь, но я разрешаю.

Я почти улыбнулась — и сразу спрятала улыбку обратно. Нельзя светиться просто так. Вдруг кто-то заметит и решит, что я занимаю слишком много воздуха.

У поворота к кабинету математики поток стал гуще. Кто-то смеялся. Кто-то толкался. Кто-то крикнул чужое имя через весь коридор — легко, будто имена ничего не весят. Мне всё ещё было тяжело слышать своё полное. В журнале оно горело чёрными буквами. На уроках пока не вызывали. Я была благодарна мебели за то, что она молчит вместе со мной.

И я увидела его.

Он стоял у окна, один, с тетрадью под мышкой. Простая футболка. Джинсы. Никаких лишних знаков. Высокий — выше всех вокруг. Почти чёрные волосы волнами. Челюсть острая. Он смотрел во двор так, будто двор мог ответить. Потом прикусил нижнюю губу — коротко, задумчиво — и

повернул голову.

Наш взгляд столкнулся случайно. Как два человека на узком мосту.

Карие глаза. Тёплые. С золотыми искрами даже при лампах дневного света. Я узнала их раньше, чем лицо. Узнала запах стирального порошка, которого сейчас не было, но память уже подставила.

Зонт. «Держи». Молчание. Шкаф. Блокнот.

Астра внутри ахнула театрально:

— О. Реквизит вернулся. Не упусти. Скажи хоть «привет», иначе я начну говорить за тебя, и тебе это не понравится. Мне — очень. У меня отличный голос для чужих губ.

Он сделал шаг ближе. Не уверенный и не дерзкий. Просто шаг человека, который решил, что вопрос можно задать.

— Ты новенькая? — спросил он.

Голос тот же. Низкий. Короткий. Серьёзный. Как будто каждое слово проходит проверку, прежде чем выйти. Эдвардовская сдержанность без блеска вампира — просто человек, который не тратит воздух зря.

Я кивнула. Привычка. Потом вспомнила Астру. Открыла рот.

— Да. Я... Лика.

Имя вышло тихо, но целое. Не Анжелика. Лика. Моё.

Он чуть склонил голову — будто проверял, совпадает ли звук с лицом.

— Дима.

Просто. Без фамилии. Без улыбки напоказ. Только взгляд — долгий, спокойный, от которого хотелось одновременно отступить к стене и остаться.

Пауза натянулась. Я чувствовала, как горят уши. Как толстовка вдруг стала слишком большой и слишком заметной. Мягкое тело под тканью будто выдавало меня — «смотри, я здесь, я прячусь плохо».

— Я... вчера. Зонт, — получилось у меня обрывками. — Спасибо.

Он кивнул. Уголок рта едва дрогнул — не улыбка, намёк. — Нормально. Дождь был сильный.

— Я... спрятала его, — вырвалось глупо. — То есть... дома. Чтобы не забыть вернуть.

Астра застонала:

— Боже. Ты признаёшься в хранении улик. Романтично. Дальше скажи, что пишешь стихи под матрасом.

Он не засмеялся. Только чуть сильнее прикусил губу — думал.

— Ок. Как будет удобно.

Шум коридора отошёл куда-то вбок, как вода вокруг камня. Астра внутри затихла — не из жалости, из интереса. Она любила смотреть, когда мир наконец смотрит в ответ.

— Ты... из параллели? — спросила я. Голос дрогнул на середине. — То есть... девятый?

— Десятый, — сказал он. — Но математику ведут вместе иногда. Олимпиадный кружок. Если... пойдёшь.

Он произнёс «если» так, будто оставлял дверь открытой, а не толкал внутрь. Я думала о цифрах. О том, что в старой школе мне было легче с уравнениями, чем с людьми. О том, что мама сказала бы «потом», если бы я попросила купить тетрадь для кружка.

— Я... подумаю.

— Хорошо.

Он не засыпал меня вопросами. Не спросил, откуда я. Не спросил, почему молчу странно. Не спросил про полное имя. Просто стоял и смотрел — долго, без спешки, будто у него было время, которого нет ни у кого в этом коридоре.

Я смотрела в ответ. Не умела. Училась прямо сейчас.

Золото в карих глазах вспыхнуло, когда кто-то сзади включил свет в кабинете. Он моргнул. Я моргнула. Мир не рухнул.

Сзади кто-то толкнул поток локтём. Дима чуть сдвинулся, загораживая меня от толчка плечом — автоматически, без театра. Пахло чистотой и теплом. Я чуть не сказала «не надо». Сказала только:

— Спасибо. Ещё раз.

— Угу, — ответил он почти моим языком — и от этого стало легче.

— Лика, — повторил он тихо, будто проверял имя на вкус.

— Ок. Увидимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.